

АЛЕКСЕЙ ЛОСЕВ

ВСПОМИНАЯ О. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО*

БЕСЕДЫ С МЫСЛИТЕЛЕМ

Алексей Федорович Лосев был младшим современником П. А. Флоренского. Причем он не только лично знал отца Павла, как всегда называл, но и считал себя его учеником. Об этом приходилось слышать не раз. А однажды, когда спросили Лосева, в чем он видит принципиальное различие и общее между Вячеславом Ивановым и Павлом Флоренским, тот воскликнул: «Вот действительно интересный исторический вопрос!» Помолчал, а потом добавил: «Установление общего между ними – предмет специального исследования. Хотя это общее во мне самом. Я ведь считаю себя учеником и того, и другого».

О Павле Александровиче в последний год жизни А. Ф. Лосева разговоры шли особенно частые. Внутренним поводом к этому было участие в беседах П. В. Флоренского, внука философа. Внешним – известие о том, что в январе 1988 года в Бергамо, в местном университете, устраивался семинар, посвященный П. А. Флоренскому.

Непрерывным участником и вдохновителем полуночных бесед в «Арбатской академии», как А. Ф. Лосев называл свой дом на улице Арбат в Москве, была Аза Алибековна Тахо-Годи, ученица и соратник Алексея Федоровича.

Для удобства читателя, кроме особых случаев, собеседники Лосева не обозначаются.

I

– В связи с предстоящей конференцией в Бергамо, посвященной Флоренскому, хотелось бы услышать от Вас, Алексей Федорович, хоть несколько слов... Можно ли, например, говорить о том, что взгляды Флоренского претерпели некую эволюцию?

– Это отца-то Павла?

– Да.

– Нет, так говорить нельзя.

– То есть он был всегда тот же человек и философ, с которым Вы начали знакомство, и оставался им до последних лет жизни.

– Несомненно.

– А почему его загоняют в ячейку соловьевца? Для классификации, или тут все же есть основания...

* Журнальный вариант. Полный текст опубликован в сборнике Института мировой литературы «Контекст. 1990».

– В конце концов он, конечно, ученик Соловьева.
– Это же общий исток для всей русской философии начала века, – уточняет А. Тахо-Годи.

– При этом я скажу такую вещь. Учение о Софии впервые сформулировано Соловьевым. Мало того, он даже указал на ту икону, очень древнюю (первых веков российского православия), где изображена сама София и которую в дальнейшем отец Павел приводит и анализирует в своей знаменитой книге*.

Об этой софийной концепции до Флоренского, кроме Владимира Соловьева, никто серьезно не заговаривал.

Тот, кто впервые изучает православную концепцию Софии, должен ссылаться сначала на Соловьева, а затем уже на Флоренского <...>.

– Алексей Федорович, но все-таки как Вы рассматриваете творческое наследие Павла Флоренского?

– Я рассматриваю философию отца Павла как переходный период между старым и новым. Ибо здесь присутствует из старого самое существенное и из нового – самое существенное. И все это обобщено в одном человеке.

– А под старым Вы понимаете обыкновенный классический идеализм? Вроде платоновского?..

– Какой хотите, и не только платоновский. Когда идея – одно, а вещь – другое. И они разное собой представляют, и наблюдаются разные отношения между теми и другими. В том числе и их взаимный переход.

– То есть это две области... .

– А **новое** мышление совсем иное. Оно заключается в том, что, прежде всего, не мыслится идея без материи, но и материя без идеи тоже не мыслится. Вот в чем суть вопроса.

Почему у отца Павла такие вот гениальные догадки насчет коэффициента Лоренца?! Потому что он понял, что пространство сжимаемо и расширяемо, что оно имеет разную структуру.

Эйнштейн чем прославился? Там, на Западе, он тоже ведь не сразу получил признание. Дело в том, что в науке аномалия в движении Меркурия вокруг Солнца оставалась необъясненной, если придерживаться традиционной ньютоновской механики.

Эйнштейн исходил из того, что около Солнца совсем иное пространство, то есть не то, которое у нас... .

Эйнштейн, используя свою теорию, объяснил аномалию в движении орбиты Меркурия.

Было это около 1915 года. Здесь началась победа Эйнштейна! Хотя врагов, конечно, много и до настоящего времени. Но сейчас уже ясно, что возражают лишь ретрограды и узкие люди. Слишком большие ортодоксы прошлого времени, а современный нормальный математик признает это как факт.

Разные типы конструирования пространства ты теперь найдешь и в учебниках в краткой и популярной форме.

А вот сделать из этого обобщенные выводы и для материи и для идеи только один отец Павел сумел. А потом уже все его ближайшие ученики. В этом отношении я абсолютный ученик Флоренского. Хотя кой в чем я ему и возражаю. Но тут – невозможно.

– Кстати, когда Вы познакомились с ним?

– Я ведь не москвич. Приехал учиться в Московский университет в 1911 году. Впервые встретил П. А. Флоренского в религиозно-философском обществе памяти В. С. Соловьева. Там как раз состояли все тогдашние символисты: Евгений Трубецкой, Вячеслав Иванов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Н. Дурылин, Владимир Эрн.

Там же, хотя и довольно редко, бывал Флоренский. Ему все-таки приходилось ездить на заседания издали, из Сергиева Посада.

Помню один из его более поздних докладов. Он назывался чисто по-флоренски: «О магической природе пространства».

На моем докладе «Об отношении платоновского «Парменида» с платоновским «Тимеем»** он тоже был. И – помню – дал ряд существенных уточнений.

* Флоренский П. Столп и утверждение истины. М., 1914.

** В архивах П. А. Флоренского сохранился конспект этого доклада, написанный рукой неизвестного.

Поскольку я на протяжении нескольких лет снимал дачу в Сергиевом Посаде, то довольно часто по субботам и воскресеньям виделся с отцом Павлом.

Тут-то и произошло наше некоторое сближение. Но нужно сказать, что человек он был скрытный, говорил неохотно.

Я, например, помню, когда открылась так называемая живая церковь, я с ним встретился в Посаде и спрашиваю: как Вы относитесь к этому явлению? И, в частности, к Александру Введенскому? Он раздраженно оборвал: «Да вот только не хватает, чтобы мы с вами устанавливали тут всякие точки зрения».

Я понял, что это для него вопрос болезненный, и перевел разговор.

— А в какие годы Вы жили в Сергиевом Посаде?

— В первые послереволюционные годы. Место ведь исключительное. Рядом — Хотьково с монастырем. Рядом село там есть живописное — Митино... Это село, думаю, связано с именем Дмитрия Донского. Кстати, у преподобного Сергия, несмотря на то, что прошли сотни лет, такие были ярые, ревностные почитатели в Посаде, прямо до нервного возбуждения. Это сергиевское настроение передавалось, конечно, и мне.

Даже ведь Ключевский, несомненный позитивист, который может считаться лишь условно православным, пишет, что со времен Сергия Радонежского Троицкая лавра стала центром православия, к которому тянулся народ, и он будет тянуться к этой лавре до тех пор, покамест вообще будет существовать страна и народ. Это пишет В. Ключевский. А он ведь зубоскал и оратор, любил блеснуть словцом, но тут не посмел сказать что-нибудь отрицательное.

— Алексей Федорович, в Вашем послесловии к книге Хюбшера, по сути дела, содержится первое в послевоенное время упоминание о Флоренском. Там Вы рисуете его словесный портрет.

— Да, я помню, как не хотели публиковать эпизод с Флоренским, потому что он был священник, профессор и инженер.

— Я хочу напомнить тот фрагмент из книги: **«В самом начале революции многочисленные голоса о падении европейской культуры раздавались с одинаковой силой и справа и слева. Известный тогда богослов и мистик Флоренский, который был одновременно и инженером, усиленно производившим тогда лабораторные исследования технического применения диэлектриков, читал в начале революции публичные лекции и доклады, идея которых сводилась к какой-то неизбежной и уже наступающей катастрофе. Глухим и едва слышным голосом, с вечно опущенными вниз глазами, этот инженер вещал, что ничто не должно оставаться на прежнем месте, что все должно терять свое оформление и свои закономерности, что все существующее должно быть доведено до окончательного распада, распыления, расправления, что покамест все старое не превратится в чистый хаос и не будет истерто в порошок, до тех пор нельзя говорить о появлении новых и устойчивых ценностей. Я сам слушал эти жуткие доклады и теперь прекрасно отдаю себе отчет в их подлинной исторической обоснованности»***.

При невнимательном прочтении создается впечатление, что Вы осуждаете Павла Александровича... Пишете о нем не очень положительно. А когда поразмыслишь, прочитаешь еще раз, это мнение меняется на противоположное.

— Это ведь характеристика перехода. Поэтому вполне естественно, что одним нравится пройденное, а другим — наступающее. И в зависимости от этого может строиться восприятие, возникать оценки.

Я же стремился всегда быть исторически объективным, переходность в данном случае можно доказать.

Никто так глубоко не понимал древнюю Русь, как он, никто не обновил так православного самочувствия, как это сделал Флоренский.

— Не могли бы Вы более определенно выразить сущностные черты этой переходности?

— Видишь ли, древний религиозный обряд оказывается у Флоренского точно доказуем. И математики его доказывают, не зная, что они доказывают.

Есть ведь целое учение о множествах. Такие там вещи рассказываются, с такой откровенностью, какой не найдешь в учебнике богословия.

* Артур Хюбшер. Мыслители нашего времени. М., 1962, с. 317.

А это же новейшие были достижения, которые от математики Ньютона и Лейбница ушли далеко. У них-то дается формула, которая применяется к движению в пространстве. Причем считается, что пространство само неподвижно, однородно, нигде не закругляется, не углубляется, абсолютная пустота, и к этой пустоте применяются механические формулы. В этом и заключается механическое сознание, сформулированное уже в XVIII веке.

Ну?! А сейчас-то, сейчас нет никакого абсолютного пространства. Оно везде разное. Причем одна и та же вещь в одном пространстве имеет один объем, а в другом – иной. А в третье пространство попав, вовсе теряет объем. И становится нулем.

– *Ведь это же математическое доказательство возможности чуда!*

– Так что когда я говорю, что у Флоренского мы находим совмещение чистой математики и чистого пространства – это не красное словцо.

Жалко только, что нет у меня издателей и читателей соответствующих. А то бы я тут понавалял много такого – на основе Флоренского, конечно, – что пошло бы еще и дальше Флоренского. Но с нашими издателями разговаривать о Флоренском дело безнадежное...

– *А Вы поговорите с нами...*

– Да вы же никто. Если бы вы хоть какой-то ведущей линией были. Вы же только отдельные проявления какой-то линии, которая могла бы быть, но линии-то такой нету. Линии – нету.

– *Алексей Федорович, Вы характеризовали сейчас переходность такой сложной фигуры современной философии, каким является Павел Флоренский. Вы закончили эту характеристику?.. А то мы Вас немного отвлечем...*

– Я ее не начинал (*общий взрыв смеха*). Я обозначил только два пустяка, два штриха.

– *В таком случае мы ждем продолжения. Кто может, Алексей Федорович, рассказать Павлу Васильевичу о его деде, если не Вы?*

– Не знаю, дождешься ли, Павел. Что-то я стал сильно прибалывать. Боюсь, как бы того-этого...

– *Не говорите так...*

– Потом, знаешь, эти идеи Флоренского в том смысле, как я говорю, продолжают в очень злобной форме отвергаться.

Вот почему все, кто их отвергает, для меня активные противники.

Для них математика есть математика, а для меня математика есть бытие. Поэтому все чудеса, которые творятся в математических формулах, они в еще большей степени творятся в пространстве и во времени.

Вот воззрения, которым я научился у Владимира Соловьева, а затем – у Павла Флоренского.

У Соловьева тоже эти идеи есть, но у Павла Александровича это развито. Он же специалист-математик, он не может употреблять слова впустую. Так что в этом отношении, конечно, Флоренский большой человек. Но открытых учеников у него нет. Или, может быть, есть, но все боятся.

Но все это, любезные мои друзья и собеседники, едва ли уж вас глубоко занимает. Тут нет ничего обидного, ибо философия – это не широкая, а очень узкая специальность, которая требует особой выучки, многих лет раздумья, чтения, писания... Так что геолог Павел Васильевич Флоренский не обязан быть философом. Но поскольку он все-таки ближайший родственник Павла Александровича Флоренского, – его старший внук! – он имеет право знать о своем деде, его существенные идеи.

– *А как все же кратко сформулировать основные открытия отца Павла в области духа? – вклинивается в монолог А. Ф. Лосева Павел Васильевич.*

– Философия есть неразличимое тождество идеи и материи (*пауза*), воспринимаемое чувственно, чувственными формами...

– *Это Вы дали определение философии...*

– Да, но это я выразил с бегу...

– *Но Павел-то, – идет на выручку А. Тахо-Годи, – спрашивает Вас: какие открытия в философии сделал Флоренский...*

– Так я же сказал, какие. Из этого и видно.

Тождество философии и математики.

А ведь обычно как: философия говорит о бесконечности, но ни слова о математике. Математика вся пересыпана учениями о бесконечности, но ни слова за пределы своей области, ни слова о философии. У Флоренского – целостный подход.

Для него бесконечность не есть понятие ни идеальное, ни материальное, а – живое, которое при этом чувственно воспринимается.

Это открытие, огромное открытие, до которого во многом наша наука еще не доросла.

– Таким образом отец Павел приходит к тому же универсализму и синтезу, который был в античности (у того же Платона), но только на новых основаниях, на новейших математических достижениях. . .

– Ну да! Но при Платоне не было такой тонкой математики, такого тонкого искусства.

– Там как раз математика и философия были одно. Это же замечательно! Через тысячу лет, на новом основании уже, основываясь на новейших достижениях, возникает потребность единого подхода.

Эти две дисциплины – философия и математика, – так как они касаются самых общих предметов и вселенной в целом, они никогда не умирают. Они – меняются. Но никогда не умирают.

Поэтому разного рода философско-математические учения я тебе найду и в Средние века, и в эпоху Возрождения, в XVII и XVIII веках, и так далее. Это вечная проблема.

– Идеи и числа. . .

– Идеи и материя.

– Но только материя, выраженная в числе. . .

– . . . Отсюда связь Флоренского с искусствознанием, его увлечение иконописью. Как раз в иконе есть то общее, что по сути своей математично, но в изображаемом дается в виде живого существа.

Бесконечность как живое существо, воспринимаемое чувственно, – вот в чем новость Флоренского.

Но многие ведь не понимают, при чем тут иконы, Флоренский, обратная перспектива. . .

II

В архиве П. А. Флоренского, хранящемся у потомков философа, находятся три письма А. Ф. Лосева. И вот в одну из обычных наших субботних встреч в декабре 1987 года Павел Васильевич Флоренский за вечерним чаем напомнил А. Ф. Лосеву содержание тех давних писем. А было это так.

– Алексей Федорович, разбирая материалы Павла Александровича, я обнаружил Ваши письма! . .

– Да ну! – оживился Лосев.

– Копии я для Вас сделал, предполагая, что это может вызвать интерес. Послушайте, что Вы тогда писали:

«24 марта 1918 г. ст. ст.

Ваше Высокоблагородие

о. Павел!

С. Н. Булгаков и В. И. Иванов говорили Вам о готовящейся серии религиозно-философских книжек на темы о русской национальности. В настоящее время я, редактор этой статьи, могу сообщить Вам окончательные условия, которые издатель склонен считать ультимативными.

1) Рукопись должна быть от 2 до 4 печатных листов.

2) Рукопись **должна быть** доставлена **мне** (Воздвиженка, 13, кв. 12) **не позже 12-го апр. ст. ст.** Напечатание рукописей, представленных позже, **проблематично.**

3) Редактор предлагает за 3 000 экземпляров **300 рублей** за каждые 40 000 букв. Вопрос этот может быть перерешен по получении рукописи. 300 р. – минимум.

4) При получении рукописи выдается 1/2 гонорара, при напечатании, которое предполагается немедленно, – остальная половина.

5) В тексте рукописи не должно быть никаких партийных точек зрения и никакой злободневности. Если все эти условия для Вас подходящи, то покор-

нейше прошу сообщить мне немедленно тему, размер статьи и срок, в который она может быть мною получена.

Искренно преданный
Вам А. Лосев

Адрес: Москва. Воздвиженка, 13, кв. 12. Алексею Федоровичу Лосеву».

И вот сразу же еще одно письмо сходного содержания:

«24 мая 1924 года н. с.

Глубокоуважаемый и дорогой о. Павел!

Осмеливаюсь побеспокоить Вас по двум вопросам – среди лиц, близко стоящих к Вам по мировоззрению и отчасти Ваших учеников, возникла мысль об издании ряда сборников, которые были бы вне всяких сомнений относительно цензуры, а именно на темы математические, астрономические и механические – с необходимым для нас философским уклоном. В первый сборник намечены следующие статьи: 1) **Мои** – математические учения Плотина и Ямвлиха и рассуждение об имени и числе; 2) **В. Н. Муравьева** – о понятии большого и малого и об ипостасийном построении учения о множествах; **В. П. Зубова** – о средневековой физике и оптике (Рож. Бекон и др.); **Валентины Михайловны** – об астрономической системе Птолемея и Прокла. Обращаемся и к Вам с покорнейшей просьбой участвовать с нами в этом издании статьями сходного содержания, не стесняясь ни темой, ни размерами статей. Было бы желательно иметь что-нибудь в роде «Мнимостей в геометрии». Гонорар предполагается после печатания, о чем должен быть особый уговор – в случае Вашего принципиального согласия. Печатание решено начать (принимая во внимание цензуру) в июле-августе. Буду надеяться, что Вы не откажете в просьбе сообщить мне о своем отношении к этому или лично, или через Вас. Ив., или по телефону (в моей квартире) 1-37-43.

– Второй вопрос менее сложный. 23 мая по ст. ст. (5 июня по нов. ст.), в день Вознесения Господня, – годовщина нашей свадьбы с Валентиной Михайловной. Не откажите посетить нас в любой час дня или вечера и разделить с нами наши благостные для нас воспоминания. Будем ждать целый день.

Просим Вашего благословения и св. молитвы.

Искренно Ваш А. Лосев».

– Вы, Алексей Федорович, тогда были совсем молодой человек и, по-видимому, весьма энергичный, коль скоро Вам поручалось такое серьезное дело. Можно догадаться из контекста первого письма, что Вы должны были быть редактором серии сборников. Какова дальнейшая судьба этого любопытного начинания? Вышли эти книжки и сборники или нет?

– Никакого намека! Это всего лишь мечта. Отчасти их, моих старших товарищей. А идея была замечательная, и организовались быстро. Меня поставили в виде делового лица во главе этого безнадежного, как оказалось, предприятия.

И хотя, как я помню, получил от многих заинтересованных в подобных книгах лиц поддержку, дальше издательских коридоров дело не пошло.

– Тогда нам остается только напомнить Вам другое письмо вместе с прилагающимися к нему Вашими тезисами.

«О. Павлу Флоренскому
Б. Спасская, 11, кв. 1*

Москва. 30 янв. 1923 г.

Глубокоуважаемый и дорогой о. Павел!

Осмеливаюсь побеспокоить Вас своей покорнейшей просьбой просмотреть во время Вашего пребывания в Москве прилагаемые мною тезисы имя-

* Надпись на сохранившемся конверте.

славского учения, отметивши на полях все Ваши сомнения, поправки и дополнения. Я долго беседовал о них с о. Иринею, который сделал замечания, вполне мною принимаемые и отмеченные в тексте. Так как мне приходится часто спорить и предстоит на ближайших днях вести спор с отъявленными имяборцами, то хотелось бы для себя иметь твердые и систематические, но и краткие тезисы, в которых, по возможности, избегалась бы философская терминология, хотя и даны были бы наиболее общие и отвлеченные формулы. Так как меня интересует точная редакция (а ее я не находил в существующей имяславской литературе), то я просил бы Вас прямо зачеркивать, что Вам покажется неправильным, и исправлять по-своему. Интересует также меня, достаточно ли этих тезисов, или они не полны. Сам я склонялся бы к тому, чтобы прибавить тезис специально об Имени Иисус. Особого внимания заслуживает тезис IIIc (о символистской природе имени). Дело в том, что о. Иринею он показался весьма подозрительным, хотя сам он не смог формулировать по-своему и обещал подумать об этом. Его главное возражение таково: имя – не символ, потому что символ – видим, а имена Божии – невидимы. Ссылался он и на многочисленные споры на Афоне о слове «символ», так как имяборцы под символами понимают и иконы, мощи, кресты и т. д. Как тут выразиться поточнее?

Есть у меня также и чисто философские тезисы имяславия, затруднять которыми Вас одновременно с этим я не решаюсь. Если будет Ваше разрешение, то позвольте затруднить ими Вас в один из следующих Ваших приездов.

Тезисы с Вашими пометками благоволите оставить на квартире у Вас. Ив. на мое имя. В четверг или в пятницу я заеду к Вас. Ив. и возьму их.

Жена моя, Валент. Михайловна, шлет Вам привет.

Глубоко преданный Вам
А. Лосев

I. Имя Божие – энергия сущности Божией.

а) Имя Божие есть неприступный и бесконечный **Свет** существа Божия, явленный в конечном существе мира и человека. [Поправка карандашом со слова «явленный»: являющий себя из твари, – конечной.]

б) Имя Божие есть всемогущая **Сила** существа Божия, действующая в конечном существе мира и человека.

в) Имя Божие есть полнота совершенства существа Божия, явленная в конечном существе мира и человека как **бесконечная** цель для стремления твари к Богу.

д) Итак, Имя Божие есть Свет, Сила и Совершенство Бога, действующие в конечном естестве, или **энергия сущности Божией**.

II. Имя Божие, как энергия сущности Божией, неотделимо от самой сущности и потому есть сам Бог.

а) В Боге нет различия между частью и целым [над словом «различия» карандашом написано – «разделения»], свойством и сущностью, действием и действующим; и потому –

б) Свет Божий неотделим от существа Божия, Сила Божия неотделима от существа Божия, Совершенство Божие неотделимо от существа Божия;

в) след., энергия сущности Божией неотделима от самого Бога и есть сам Бог, и имя Божие неотделимо от существа Божия и есть сам Бог.

III. О символической природе имен Божиих.

а) Имя Божие есть сам Бог, но Бог сам – не имя; Бог [поправка о. Иринея: «сущность Божия»] выше всякого имени и выше познания человеческого и ангельского;

б) след., имя Божие есть такое явление [о. Ириной: «откровение»] миру и человеку сущности Божией, в котором она, оставаясь неизмененной и непостижимой, все-таки принимает доступные человеческому уму формы видимого мира;

в) значит, имена Божии таят в себе символическую природу: они в конечной форме говорят о бесконечности сущности Божией; имена Божии суть живые символы являющегося Бога, т. е. суть сам Бог в своем явлении твари.

д) Отсюда следует, что **по бытию и сущности** своей имена Божии не-

отделимы от существа Божия и суть сам Бог, но для человеческого познания они отделимы, поскольку Бог не доступен нам в своей сущности, будучи доступен, однако, в своих именах; не надо забывать, что имена одновременно все-таки несут на себе энергию, почему и суть не иные какие, но имена Божии.

Тот же тезис в исправлении о. Ириней:

Отсюда следует, что по бытию и сущности своей имена Божии неотделимы от **непостижимого** существа Божия и суть сам Бог, но для человеческого познания они **разумеваемы верою**, поскольку Бог, будучи недоступен нам в своей сущности, **открывается**, однако, в своих именах.

[Слова, начиная с «не надо только забывать» и т. д., о. Ириней пропускает].

IV. Имя Божие – не есть звук и требует боголепного поклонения.

а) Имя Божие поэтому не есть «только имя», т. е. звук или переживание звука. Звук и переживание звука становятся носителями имени Божия не потому, что они именно звук и переживание звука (в этом они сходны со всеми прочими звуками человека и животных), но потому, что в них присутствует сам Бог в своем явлении.

б) Поэтому самые звуки, как носители энергии Божией, **поклоняемы** наряду с иконами, мощами, св. Крестом и пр. предметами «относительного поклонения», – имеющими связь с тварными бытием человека; **сущность** же имени, то, в силу чего звук является носителем имени Божия, есть сам Бог и требует не относительного, но безусловного [поправка о. Ириней: «боголепного»] поклонения и служения.

V. В имени Божиим – встреча человека и Бога.

а) Именем Божиим очищаемся от грехов и спасаемся, именем Божиим совершаются таинства, именем Божиим действительна вся Церковь, как место нашего спасения.

б) Именованье не есть сила сама по себе, поскольку имеется в виду имязвучие или имяначертание [вставка о. Ириней после слова «поскольку»: «ум человека не обращен к Богу и имеется в виду» и т. д.]; но поскольку оно и не есть настоящее и истинное именованье.

с) Но поскольку именованье действительно, постольку оно творится по активной вере к искренней преданности Богу [вместо этого – редакция о. Ириней: «но поскольку ум человека обращен к Богу, – именованье действительно и постольку оно творится по активной вере и искренней преданности Богу»]; след., таинства и чудеса творятся Именем, но с действительностью имени всегда связана субъективная и активная вера именованью.

д) Отсюда, хотя само по себе имя Божие есть сам Бог и потому одноприродно, произносимое человеком и в связи с этим действительное имя Божие – двуприродно, поскольку участвует тут и энергия человека; произносимое имя – место встречи Божественных и человеческих энергий;

е) Однако энергия человека сводится лишь к принятию в себя Божественных энергий, подлинно же действует в таинстве и чуде сам Бог в своих именах и только Он, а человек делается только сосудом имени Божия».

– Можете ли Вы, Алексей Федорович, теперь в связи с только что услышанным сказать что-либо?

– Мне кажется, что сейчас нет смысла комментировать мои же собственные суждения, хотя и шестидесятилетней давности.

Жаль, что не сохранилось ответного письма Павла Александровича. Мой архив погибал трижды. Первый раз – в годы Гражданской войны, затем после моего ареста в 30-е годы и, наконец, в 1941-м, когда фугасной бомбой был уничтожен дом, в котором я жил.

– Но тогда прошу Вас дать нам ответ хотя бы в самом общем виде.

– Почему же имяславие тебя интересует?

– Мне кажется, что это важная линия мысли. Важная в равной степени и для Вас, и для мировоззрения Павла Александровича...

– Да, это замечательное явление. Ему не дали хода... эти... тогдашние... это ведь на Афоне, на Старом Афоне началось движение, что Имя Божие есть сам Бог; там много спорили, дошло дело до Святейшего Синода. Си-

нод тоже спорил много, об этом печатали много, посылали туда проповедников и... все... и в конце концов решили, что тезис — «Имя Божие есть сам Бог» — это ересь, и этих имяславцев, еретиков удалить с Афона. И их оттуда удалили, и запретили служить. Но потом насчет запрещения дело отпало. Они все-таки служили, потому что тут по России, по территории России, куда их расселили, все-таки им давали приходы, давали часовни, давали церкви, где они могли служить, так что запрет служения все-таки отпал. И, по-видимому, Синод сам колебался в этом вопросе.

Но вот Флоренский резко встал на точку зрения имяславцев. И я, несчастный, тоже разыскивая более точных формулировок этого православия и христианства, я тоже ухватился за имяславие и в те времена много писал, но не печатал, потому что ведь революция тогда была. Много писал, много думал, и, собственно, два человека продумали это очень глубоко — это Флоренский и я. Это нужно совершенно открыто сказать, без похвальбы.

Отец Павел это действительно очень глубоко продумал. И он вычислил формулу, что Имя Божие есть Бог, но сам Бог не есть ни Имя Божие, ни имя вообще. Думаю, эта формула совершенно правильная. Только под именем надо понимать не буквы и не звуки, которые мы произносим. Буквы и звуки это есть иконы. Икона, конечно, не Бог, но на иконе изображено Божественное. Вот что надо понимать.

Поэтому и в Имени Божиим — Бога, в его субстанции, нету, но в его энергии, в его смысловом истечении есть сам Бог; в Бога имени, произносимом со звуками и с буквами, существует сам Бог. Но не в субстанции, а в своей акциденции, в своей энергии.

Вот в этом смысле я тогда и писал те тезисы правильного имяславия, о которых мы вспоминали выше. Советовался в этом отношении с Флоренским и от него много получал.

Мне кажется, два были человека из всего православия, которые отнеслись к этому серьезно и продумали это до конца. Это Павел Флоренский и Алексей Лосев. Вот... Ну а потом наступила революция. Все это было забыто.

А суть-то еще вопроса в том, что главные из архиереев были против этого. Большинство было против этого. Только исключительно некоторые стали на точку зрения имяславия. Большинство считало это ересью.

Так что — революция с одной стороны, а с другой стороны — исконное сопротивление, и такое слишком бытовое богословствование — помешало тому, чтобы это учение было сформулировано. И уж помешало тем более тому, чтобы оно было принято в церкви. Ну, для принятия в церкви должен, конечно, собор быть, церковный собор, потому что такие истины принимались только на соборах, а не в силу доказательств отдельных богословов.

Все это забыто, отброшено, уничтожено, и никто об этом ничего не знает, и только вот вы это раскопали. Но ведь вы же тут археологами являетесь. Вы тут являетесь архивариусами, археологами. Мало ли что в истории было. Вот вы раскопали, Флоренского и Лосева раскопали, что когда-то такое в начале революции было движение имяславское, да. Пробовали формулировать. И даже нашли мои тезисы, в которых была дана попытка точно выразить основы имяславского учения.

Отрицать божественную сторону Имени Божьего все равно, что все сводить на субъективное. Молитву, весь церковный обряд — субъективные вещи, которые принадлежат человеку и объективного вроде ничего не имеют. Но все-таки и самая простая икона несет Божественное содержание. Потому что в ней присутствует Божество, оно ведь на иконе изображено... Почему ты и кланяешься иконе и молишься ей. А иначе это кусок дерева.

Так-то вот. Но сейчас мы напрасно об этом говорим. Хотя, конечно, историей всегда хорошо заниматься. Мы раскопали сейчас такие исторические эпохи, которые давно миновали и которые требуют огромной мыслительной работы.

III*

— *Алексей Федорович, в одной из прошлых бесед с нами Вы говорили, что Павел Александрович Флоренский был переходной фигурой между фило-*

* В беседе участвовал Виктор Косаковский, режиссер ЛСДФ.

софией прошлого и новой философией. Может быть, мы вернемся сегодня к этой теме, чтобы развить этот тезис. И потом, всех нас очень интересуют Ваши взаимоотношения с Павлом Александровичем. Ведь Вы сами говорите, что Вы занялись другими областями, чем те философы, о которых часто вспоминали. В чем отличие Вашего круга интересов и круга интересов Павла Александровича? Не противостояние, конечно, а течение мыслей, в котором Вы и он развивались, русло мыслей, которые Вас вели...

– Видите ли, реальное... такое... тесное общение я с Флоренским имел только в самом начале революции. Это были 1920–1921-е годы... Общение это было глубокое, но довольно кратковременное и очень... такое... опасное. И чувство опасности тотчас же осуществилось, потому что в 22-м году многие философы были высланы за границу.

Мы с ним сохранились только потому, что от главной темы ушли. Я ушел в историю античной эстетики, а отец Павел, поскольку он был инженер, поскольку имел математическое образование, то ушел в инженерное дело. И до своего ареста, и до своей гибели в 30-х годах он был инженером, и даже писал исследовательские работы инженерского характера. Так, его большой том вышел: «Диэлектрики и их техническое применение». Большой том, где уже никакого намека на философию не было... Так мы оба дотянули до 30-х годов.

В начале 30-х в связи с усилением реакции общей он тоже был арестован и погиб.

– Алексей Федорович, простите, но Вы пока не ответили на наш самый первый вопрос. Мы просим Вас вернуться к характеристике философского образа Павла Александровича, которую Вы начали в прошлой беседе...

– А это другая тема, конечно. Эта тема чисто историческая. Да-да, я считаю, что главное и центральное положение Флоренского заключается в том, что он был переходной фигурой между старым мировоззрением и новым. Старое мировоззрение я понимаю как... такое... очень высокое развитие буржуазной науки и буржуазной философии. То есть опора на точную науку, опора на... позитивные знания. Таково старое мировоззрение. А что касается нового времени, куда стал переходить Флоренский, и благодаря которому я вот считаю его переходной фигурой, это совсем иной взгляд.

Это, так сказать, мировоззрение расширенного, широко понятого позитивизма. Это уже не просто ньютоновская механика, законы природы, вычисление движения звезд и более ничего. Здесь понимание математики более глубокое и живое. Даже число стало пониматься более, я бы сказал, поэтически что ли, художественно. В установлении такого подхода большую роль сыграло учение о множествах Канта. Оно дало такие интересные построения, которых раньше, при опоре на ньютонианскую механику и математику, нельзя было представить.

Кроме того, нужно сказать, что это сейчас же отразилось и на том предмете, который подвергался изучению в математике нового типа. А именно: появилось в начале двадцатого века учение о неоднородности пространства. Так называемый принцип относительности Эйнштейна.

Так вот, раньше как было? Пустое пространство, абсолютно одинаковое и однородное, куда бы ты ни шел, без начала, без конца. К нему ты применяешь математические уравнения, и в результате получается закон природы, закон тяготения. Здесь же совсем иначе. По мнению Эйнштейна, пространство стали понимать как неоднородную массу, которая сжимаема и расширяема, которая на этом месте одно, а на другом месте – другое.

И вот этим как раз воспользовался Павел Флоренский. Он взял самую современную, самую модную и самую тонкую математику с одной стороны, а с другой стороны из этой математики делал выводы... философского и даже религиозного характера. И мне кажется, что самое... такое... простое – на аксиому можно было свести эту новость – это то, что он, Павел Флоренский, применял эти математические формулы, предполагающие неоднородность пространства. Обычно об этом ничего не говорили, потому что считалось, что пространство везде одинаковое. А он стал говорить о разном пространстве в связи с движением, в связи с перемещением. Именно Флоренский как раз применил этот коэффициент изменения пространства в зависимости от движения. Получилось так, что тело имеет обыкновенный объем, если оно движется со скоростью, меньшей света. Если же оно движется со скоростью света, то объем тела уже равен нулю. Получилась та безумная новость, что тело

меняется по мере движения, меняется в своем объеме и в своем пространственном измерении. Это, собственно говоря, есть доказательство чуда. Оказывается, что лампа не есть просто лампа. Она тут лампа. А будет ли она лампой на Луне, неизвестно. Может быть, чем-нибудь другим еще.

Впрочем, это и другие признавали. Но Флоренский пошел дальше, он сказал, а что будет с объемом тела, если оно будет двигаться со скоростью, большей света? По этой формуле оказывалось, что пространство принимало мнимые величины.

А вот говорят – мнимые величины, мнимость в геометрии. Это не просто отрицание величины, и не просто отсутствие величины, а это очень реальная вещь. Но только это вещь какая? Это идея вещи. Идеальная вещь.

Оказалось, с точки зрения Флоренского, что доказуема как подвижность вещи, так и ее превращаемость в нуль, превращаемость в идеальное.

Вот, мне кажется, здесь весь Флоренский сказывается.

– Алексей Федорович, мы Вас поняли, и Вы это очень все доступно изложили. Но вот Вы сказали, что Павел Александрович обновил православие. В чем там новость? В чем обновленность православия по Флоренскому?

– Традиционное православие Флоренский считал слишком скучным, слишком прозаическим, слишком далеким от живой веры, слишком традиционным. Поэтому он его «оживлял» разными способами. Во-первых, способ математический, о котором я сейчас сказал. Оказалось, что человек идет в церковь, там крестится и молится не потому только, что так папа и мама велели, а потому, что действительно наука этого требует, потому что без этого ты будешь просто дурак, глупец будешь, если ты не будешь ходить в церковь и не будешь исповедовать самых последних истин, подтвержденных наукой. Это одно.

Кроме того, никто до Флоренского не поднимал вопроса о значении искусствоведения для богословия и для церковной жизни. Ну, говорили кое-кто о красоте иконы там, какие-нибудь были рассуждения... Но то, что Флоренский сделал, – небывалая вещь, потому что изучение иконы у него было в сочетании с благоговейным религиозным состоянием. Поэтому, так же как математика стала чем-то живым, точно так же обряд, икона и вообще все такое внешнее, что было у церкви, у Флоренского засияло напряженным внутренним чувством и прониклось большой интимностью. Вот это то новое, что он внес в церковную жизнь.

Я вспомнил сейчас одну из бесед с ним. «Я, – говорит, – принял священство не для того, чтобы служить на приходе. Я принял это для своего личного общения с Богом. А знаете, наши приходы, это ведь сплошное бытовое православие, которое мне совершенно не интересно. Я никогда ни на каком приходе не был и не буду, потому что слишком все это скучно, неинтересно, слишком это стало бытовым и обычным. Религия – это что-то необычное. А здесь все обычно, «все бытовое».

И это правильно у него выходило, потому что его учение такое же оригинальное, такое же живое, представляет собой совмещение старого и нового, как его математика, о которой я упоминал выше.

– Алексей Федорович, можно Вам прочитать один фрагмент?

– Откуда?

– Из Бердяева, который, как мне кажется, очень к месту. **«Всю жизнь, с детских лет, меня мучают проклятые вопросы, которые Достоевский считал столь характерными для «русских мальчиков». Таким «русским мальчиком» я остаюсь и на склоне лет. Во времена моей марксистской молодости один довольно культурный марксист немецкой формации мне говорил с укором, что, в сущности, я человек религиозный, что у меня есть потребность в оправдании смысла жизни и в вечности. Думы мои вольны, совершенно свободны, но думы эти связаны с первичной верой. Мне свойственна незыблемость некой первичной веры. У меня есть религиозные переживания, которые очень трудно выразить словами. Я погружаюсь в глубину и становлюсь перед тайной мира, тайной всего, что существует, и каждый раз, с пронизывающей меня остротой, я ощущаю, что существование мира не может быть самодостаточным, не может не иметь за собой в еще большей глубине тайны, тайного смысла. Эта тайна есть Бог. Люди не могли придумать более высокого слова. Отрицание Бога возможно лишь на поверхности, оно невозможно в глубине».**

Разве не созвучно это всему тому, что Вы говорите сейчас о Павле Александровиче и о его поиске не бытового Бога, которого навязывал приход и обычная религиозная служба, а того таинства, которому он себя посвящал?

– Да-да, совершенно правильно. Но видишь ли, что нужно сказать. То, что ты прочитал, это соответствует Флоренскому. Но дело в том, что Бердяев все-таки не понимал всей тонкости богословствования Флоренского. Поэтому он считал, что Флоренский слишком близок к декадентству, слишком близок к тонким эстетическим переживаниям, и что это противоречит строгому православию, которого хотел добиться сам же Флоренский. И у Бердяева есть статья под названием «Утонченная Фиваида». Фиваида – это в Африке старинный и очень строгий монастырь, образец строгости. Так вот, Бердяев подчеркивает заглавием то, к чему стремится Флоренский.

Отец Павел взял самое строгое, что есть в православии, и в то же время дал его небывало тонкое изображение, которое в известном смысле даже мешает понимать всю глубину и всю строгость православия. Так что тут между ними разница была. И идеологически Флоренский и Бердяев – противники. Хотя в смысле религии, в смысле тонких переживаний оба далеко ушли от обычного бытового богословствования.

Беседы состоялись в декабре 1987 года.

Текст подготовили Юрий Ростовцев, Павел В. Флоренский